

КОДИФИКАЦИЯ ФЕОДОСИЯ II И ЕЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Кодекс Феодосия был составлен между 429 (С.Th. I.1.5 - 26 марта 429) и 438 гг. (Nov. Theod. I. - 15 февраля 438). Большинство современных исследователей считает, что в Восточной Римской империи он вошел в силу 15 февраля 438 г., а в Западной - 1 января 439 г. Однако Б.Сиркс подвергает сомнению этот факт для Западной империи¹. По его мнению, 15 февраля 438 г. Феодосий утвердил Кодекс для Восточной империи начиная с 1 января 439 г. Обычно утверждение Кодекса Феодосия на Западе видят в *Gesta Senatus urbis Romae*, называемой с легкой руки Т. Моммзена *Gesta Senatus Romani de Theodosiano publicando*². *Gesta* посвящена заседанию римского Сената 25 декабря 438 г., на котором префект претория Италии Ахилий Глабрион Фауст представил Кодекс Сенату Рима. С этого времени он использовался и в Западной империи в качестве официального. Б.Сиркс считает, что признание его авторитета произошло таким же образом, как и для Кодексов Григориана и Гермогениана, долгое время бывших частными, неофициальными собраниями императорских конституций³. По его мнению, только в 443 г. изданная Валентинианом III конституция *Quantum consulente* подтвердила сенатусконсульт 25 декабря 438 г. Но она просто предоставляла должностным лицам *constitutionarii* исключительное право издавать копии Кодекса на Западе⁴.

Кодекс содержит более 2,5 тыс. императорских постановлений (по подсчету Т. Оноре - 2529) за период правления от Константина I до Феодосия II⁵. Самая ранняя из вошедших в него конституций датируется 1 июня 311 (С.Th. XIII.10.2), а самая поздняя - 16 марта 437 г. (С.Th. VI. 23. 4). Первые десятилетия V в., по-видимому, были важным рубежом в развитии имперского общества. В современной литературе это обстоятельство не получило еще четкого осмысления, как впрочем и периодизация развития позднеантичного общества в целом. Тем не менее, следует обратить внимание на тот примечательный факт, что предыдущая кодификация императорских постановлений была осуществлена при императоре Диоклетиане. Его правление с 284 по 305 гг. было ознаменовано целым комплексом реформ, потребность в которых была вызвана выходом имперского общества из кризиса III века. Правление Диоклетиана, завершившего восстановление Империи, по единодушному мнению современных исследователей, стало политическим началом новой эпохи в римской истории. В литературе эта эпоха получила название Домината.

Превращение римского императора в господина всего римского народа передавало в его руки новые конституционные полномочия. С римских правовых позиций он приобрел *domini*

¹ *Sirks B.* From the Theodosian to the Justinian Code // *Atti dell'Accademia Romanistica Costantiniana*. Perugia, 1986. VI. P.276 ff.

² *Gesta senatus romani de theodosiano publicando* // Mommsen Th., Meyer E., Krüger P. *Theodosiani libri XVI cum constitutionibus sirmondianis*. B., 1901. Bd. I. 1. S.1-4. Ср.: *Wenger L.* Die Quellen des römischen Rechts. Wien, 1953. S. 538.

³ *Sirks B.* From the Theodosian to the Justinian Code. P. 284-286.

⁴ О *constitutionarii* см.: *Volterra E.* Intorno alla formazione dell codice teodosiano // *BIDR*. 1981. Vol. 83. P. 137-140.

⁵ *Honore T.* The making Theodosian Code // *ZSt. RA*. 1986. Bd. 103. P. 133-216.

potestas, юридически производную от власти владыки римской фамилии (*patria potestas*)⁶. Это стало логическим результатом длительной эволюции статуса императорской власти. Уже в начале III в. император рассматривался в качестве высшего юридического авторитета. Согласно сохранившемуся в Дигестах Юстиниана фрагменту из Институций Ульпиана: "То, что угодно принцепсу, имеет силу закона. А именно, с тех пор как царским законом, который был дан в отношении его империя, народ предоставил свой империй и власть ему и всему в нем"⁷. Эти слова указывают, что власть императора не была абстрактной и оторванной от "народа" автократией. Император мыслился символом, персонификацией объединения римского гражданского коллектива. Последний постепенно передавал ему свои исконные атрибуты и полномочия. Император вместе с римским народом считался собственником всей земли в провинциях, т.е. на территориях, завоеванных за пределами Италии⁸. Римский народ передавал императору принадлежавшее только ему право издания законов (*leges*). Естественно, что после реформ Диоклетиана законодательная власть сосредоточилась исключительно в руках императора, а единственной формой законодательства становятся императорские конституции, приобретавшие значение законов. Прежнее утверждение сенатом императорских представлений (*orationes*) превратилось в простое сообщение сенату о принятых указах.

В скором времени были унифицированы формы императорских конституций. Согласно закону 315 г., сохранившемуся в Кодексе Юстиниана (I. 2. 2), императорские мандаты выводились из употребления, а декреты и рескрипты сохраняли силу только для частных случаев, по поводу которых они издавались (*constitutiones personales*). Единственной формой общего императорского указа (*constitutio generalis*) стал эдикт. По определению конституции 426 г. *leges generales* считались: а) *orationes principis in senatu*; б) все конституции, в которых было употреблено слово *edictum* (*leges edictales*); в) все конституции, которые руководители провинций были обязаны публиковать посредством эдиктов (*programma*); г) все императорские решения частных казусов, использование которых предусматривалось в других подобных случаях; д) конституции, предоставлявшие общую силу и применение описанному в них правилу (CJ. I. 14.3-426). В случаях, когда императорский указ содержал дарование каких-либо привилегий лицу или корпорации, он носил название прагматической санкции (*sanctio pragmatica*). Все прежнее право в противовес императорским конституциям, имевшим статус законов (*leges*), стало называться *ius vetus* или *ius antiquum*. Разработкой текстов императорских указов занимался специальный квестор дворцового ведомства - *quaestor sacri palatii*, должность которого считается современными специалистами очень важной, равнозначной министру юстиции. Возможно, ее занимали крупные для своего времени юристы. Однако, поскольку конституции издавались от имени императора, большая часть их разработчиков осталась неизвестной. Сохранились имена лишь нескольких квесторов IV-V вв., являвшихся одновременно и значительными юристами⁹. Правда, степень влияния квестора на содержание указа не совсем ясна. Составленный им текст обсуждался и принимался консistorием, а затем подлежал утверждению и подписи императора. Некоторые императоры, как, например, Валентиниан I, активно лично вмешивались в дело составления указов¹⁰.

По оценкам современных исследователей, реформы Диоклетиана носили восстановительный характер. Возрождавшаяся Империя мыслилась в формах гражданского

⁶ Bleicken J. Zum Begriff der römischen Amtsgewalt *auspicium* - *potestas* - *imperium*. Güttingen, 1981.

⁷ D.I.4.1: *quod principi placuit, legis habet vigorem: utpote cum lege regia, quae de imperio eius lata est, populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem conferat.*

⁸ Gai. Inst. II. 7; 26a. Cp.: Bleicken J. In provinciali solo dominium populo Romani vel Caesaris: Zur Kolonisationspolitik der ausgehenden Republik und frühen Kaiserzeit // Chiron. 1974. Bd. 4. S. 359-414.

⁹ Honore T. Emperors and Lawyers. L., 1981; *Idem*. Some Quaestores of the Reign of Theodosius II // The Theodosian Code / Ed. by J. Harries, I. Wood. L., 1993. P. 68-94.

¹⁰ Подробнее см.: Voss W.E. Recht und Rhetorik in den Kaisergesetzen der Spätantike. Kuhn, 1982. S. 64 ff.; Honore T. The making Theodosian Code. P. 136 ff.

общественного устройства предшествующей кризису III века эпохи. Сложность придания этих форм позднеантичному обществу состояла в том, что еще в 212 г. право римского гражданства было распространено почти на все население Империи, насчитывавшее 50-60 млн человек. Римские гражданские институты, возникшие в гражданской общине города Рима в эпоху Республики были недостаточно приспособлены к функционированию в таких масштабах. Несомненно чрезвычайное значение, которое приобрело римское право после интеграции разношерстного населения провинций в единые общественно-юридические формы. Уже во времена Марка Аврелия (161-180 гг.), замышлявшего распространить римское гражданство на всех жителей Империи, некий Папирий Юст собрал императорские конституции в 20 книг (*libri constitutionum*), а при Северах знаменитый юрист Павел составил сборник императорских декретов (*libri decretorum*). Поэтому не было случайностью создание Кодекса и в правление Диоклетиана. Это сделал неизвестный Григорий (или Григориан) около 292/293 г., поэтому он носит название *Codex Gregorianus*. Известно, что этот Кодекс содержал в себе конституции со 196 по 292 гг., расположенные в определенном порядке. Он делился на 19 (по другим данным, на 14 или 16) книг, книги на титулы, внутри которых конституции приводились в хронологической последовательности. Предполагают, что он включал в себя и более ранние конституции, начиная с Адриана (117-138 гг.). Через некоторое время к Кодексу Григориана было составлено дополнение в виде отдельной книги, разделенной на титулы и содержащей конституции эпохи Диоклетиана. По имени составителя - то ли юриста Гермогениана, то ли некоего Гермогена - это дополнение получило название *Codex Hermogenianus*. Точная дата его составления и содержание являются предметом дискуссий. Высказываются предположения, что первоначально он содержал в себе конституции Диоклетиана 293-294 гг. и был составлен около 295 г., а опубликован около 314 г. Оба Кодекса дополнялись и впоследствии конституциями Диоклетиана 295-305 гг., Константина и Лициния по крайней мере 314 г. и даже Валентиниана I и Валента 364-365 гг. От обоих Кодексов сохранились лишь небольшие фрагменты. Однако Кодекс Григориана частично восстановлен на основе эпитом, содержащихся в Бrevиариях отготского и бургундского королей конца V - начала VI в. и других одновременных им сборниках юридических текстов, составленных по материалам римских кодификаций¹¹.

В свое время значение издания этих Кодексов выходило за рамки практического руководства и компендиума императорских указов. Григориев и Гермогенианов Кодексы обозначали рубеж в развитии римского права, который был очевиден для современников. Правлением Диоклетиана заканчивался один, а правлением Константина начинался другой этап в развитии позднеантичного общества. Для эпохи Диоклетиана традиционное римское право, дававшееся в интерпретациях юристконсультов, было еще живым, развивавшимся правом. Чрезвычайно показательны слова этого императора в одной из конституций 302 г.: "Отступление от того, что было установлено и определено древними, относится к величайшим преступлениям" (*Collatio legum*. 15. 3. 2). При Константине интерпретации, трактаты и консультации юристов классической поры (I-III вв.) окончательно стали *ius vetus*, применение которого следовало упорядочить, дабы юристам-практикам было легче разобраться в массе классической литературы по юриспруденции. В Кодексе Феодосия сохранились два показательных закона Константина (CTh. I. 4. 1 - 321/4 [321]; CTh. I. 4. 2 - 327). Первый из них (321 г.) предписывал судьям не обращать внимания на критические замечания Павла и Ульпиана к сочинениям Папиниана, так как, по мнению императора, оба эти юриста, заботясь о собственной славе, желали не столько исправить, сколько опорочить Папиниана. Второй закон 327 г. предлагал судьям руководствоваться при решении дел "Сентенциями Павла". Текст последних, составленный жившим в начале III в. одним из крупнейших римских юристов Павлом, по мнению современных исследователей, был существенно отредактирован около 300 г. По-видимому, уже в начале IV в. складывалась

¹¹ *Liebs D. Hermogenianus iuris epitomae. Gutttingen, 1964.*

основная группа наиболее чтимых юристов классического периода, сочинения которых и впоследствии станут основой для ориентации в императорских законах при кодификации Феодосия II и Юстиниана. В современной литературе эта "канонизация классического наследия" рассматривается в качестве одного из свидетельств расхождения правовых систем западной и восточной половин Империи¹². На Западе одновременно с разрушением прежней традиции правовой культуры и обучения раннее образование канона вело к вводимому уже при Адриане нормативному регулированию использовавшихся в судебной практике решений юристов из различных частей Империи. На Востоке, напротив, отсутствие нивелирующего влияния канонизации на правовую практику компенсировалось сохранением научной юридической традиции, продолжавшей развиваться в древних центрах образованности восточных провинций. Поэтому предпосылки и условия правовой политики императоров Запада и Востока уже в III-IV вв. развивались в расходившихся направлениях. Примечательно, что большинство из этих юристов жили в первой половине III в. при Северах, распространивших римское гражданство по всей Империи, т.е. у истоков позднеантичной эпохи. Таким образом, начало Кодекса Феодосия с конституций эпохи Константина имело глубокое внутреннее значение. В то же время оно объединяло Кодексы Григория и Гермогениана в единое целое с Кодексом Феодосия.

Позднеантичное общество, оформленное реставраторскими мероприятиями Диоклетиана, очень скоро обнаружило свое качественное отличие от общества Ранней империи¹³. С начала IV в. римские правовые нормы стали реально применяться по отношению к жителям провинций как не к паломникам, а к гражданам, большая часть которых, хотя и получила римское гражданство в 212 г., но в течение III в. далеко не всегда могла использовать стоявшие за ним права и возможности. Создавались условия для определенных социально-правовых изменений, прежде всего для отступления от классических образцов самого римского права для его вульгаризации. Применение римского права в среде народов с иными правовыми традициями, даже при том, что последние полностью игнорировались римлянами, не могло не оказать влияния если не на форму, остававшуюся римской, то на существо правовых отношений. Особенно сильным это воздействие было в областях прежнего эллинистического мира (Балканы, Малая Азия, Сирия, Египет). Эллинистические правовые традиции, выросшие на античной основе греческого права, были старше и прочнее римских. Но что особенно важно, имея ту же античную гражданскую основу, они были однотипны римским. Поэтому восточные провинции Империи не только легко воспринимали римское право, зачастую просто не нуждаясь в нем для регулирования отношений на местном уровне, но даже претендовали на первенство в его разработке в позднеантичных условиях. Не случайно, в IV в. большая часть крупных юридических школ находилась в городах Востока - Константинополе, Александрии, Антиохии, Бейруте, Кесарии (только две на Западе: в Риме и Августодунне), многие крупные юристы были связаны происхождением или деятельностью с Востоком (Гай, Ульпиан, Павел и другие), все кодификации Григория, Гермогениана, Феодосия и Юстиниана проводились на Востоке¹⁴. После уравнения Каракаллой в правах всех жителей Империи Восток стал прочно выдвигаться на роль лидирующего центра Империи. Перенос акцента с западного на восточный центр Империи, как известно, начался с Константина, переместившего столицу в Константинополь. Но в течение IV в. оба центра Империи еще вели борьбу за лидерство. Эта борьба сильно осложнялась разрастающимися социальными проблемами. Позднеантичное общество приобретало качественно новые черты, которые должны были оформляться все тем же римским правом. Это также способствовало его вульгаризации. При этом современные

¹² *Wieacker F.* Vom römischen Recht. Stuttgart, 1961. S.252 ff.; *Fusco S.-A.* Rechtspolitik in der Spätantike: Unterschiede zwischen dem Westen und dem Osten und ihre Bedingungen // *Saeculum*. 1981. Bd. 32. S.257.

¹³ Ср.: *Demandt A.* Die Spätantike: Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian 284-565 n.Chr. München, 1989; *Sirks B.* Characteristics of the Later Roman Empire // *Atti dell'Accademia Romanistica Costantiniana*. Perugia, 1994. X. P.279-289.

¹⁴ *Литвиц У.Э.* Юридические школы и развитие правовой науки // *Культура Византии*. М., 1984. Т. 1. С. 358-370.

исследователи часто отмечают, что в IV в., несмотря на заметные перемены, римское общество еще сохраняло связь с исходной античной общественной основой предшествующей поры. И только V-VI вв. внесли существенные коррективы в его позднеантичный характер. Поэтому и право IV в. в гораздо большей степени, чем последующее, сохраняло связь с институтами римского гражданского общества. В данном контексте Кодекс Феодосия был далеко не случайным явлением для своей эпохи¹⁵. По-видимому, в нем подводились итоги развития общества и права на протяжении IV в. Следовательно, кодификация Феодосия II знаменовала собой тот момент, когда начал смещаться акцент в развитии римского права с его ориентированности на гражданское общество на общество с жесткими сословно-юридическими перегородками.

К концу IV - началу V в. римское общество уже достаточно четко делилось на сословия, основными из которых были сенаторы, куриалы, плебеи, колоны и рабы. Они имели не только разное положение в обществе, но и разный объем прав. Однако действовавшее в IV в. право еще продолжало ориентироваться на юридические образцы II-III вв., когда сословные градации еще только были намечены. Поэтому и потребовалась кодификация, которая должна была привести в соответствие юридические нормы и общественные отношения. При этом, однако, императорские юристы начала V в., имевшие за спиной многовековую традицию развития юриспруденции в римских формах, не могли отменять или устранять казавшиеся устаревшими нормы. Правовые институты собственности, личных, вещных прав и т. п. сохраняли прежнюю римскую форму. Основные их черты, бывшие частью римской правовой системы, не могли быть поколеблены и сохранялись при кодификации. Тем более, что самое проведение способствует повышению внимания к правовой традиции и тем самым как бы стимулирует ее регенерацию в ущерб потребностям практики. Поэтому римское право Кодекса Феодосия в своих формах немногим отступало от традиций классической эпохи. Хотя в современной литературе много пишется о местном влиянии на римское право и даже замещении его провинциальным, в особенности эллинистическими нормами, это мало заметно в официальных юридических документах. Местные правовые системы или их остатки действительно продолжали действовать параллельно с государственным римским правом, но их взаимодействие было не простым. Изменения в постклассическом римском праве в большей степени происходили под влиянием новых черт в самом гражданском обществе, разросшемся до границ Империи.

Иные, чем прежде, масштабы применения права вызвали качественные перемены в нем самом. Проблема взаимоотношений римского и местного права тесно связана с поставленной А. Сегрэ и Э. Шенбауером проблемой двойного гражданства в Римской империи¹⁶. Римское гражданское право предполагало, что каждый гражданин помимо общеимперского гражданства обладал еще и гражданством в конкретной городской общине, где была его родина (*origo*). Подразумевалось, что и не имевшие римских гражданских прав перегрины также обладали гражданством в каких-либо общинах. После издания эдикта Каракаллы все жители Империи формально должны были обладать двойным гражданством. Поэтому практическое применение римского права имело как бы два уровня: общеимперский, на котором издавались императорские эдикты, и местный с относительной автономией в применении права. Римская империя представляла собой не цельный общественный организм, объединенный сетью государственных административных учреждений, а совокупность полуавтономных гражданских образований. На местном уровне как раз и продолжало использоваться местное право. Города имели свои муниципальные законы. В повседневной практике римской администрации приходилось считаться с местными

¹⁵ Ср.: *Norr D.* Zu den geistigen und sozialen Grundlagen der spatantiken Kodifikationsbewegung // *ZSt. RA.* 1963. Bd. 93. S. 109-140.

¹⁶ *Segre A.* La Costituzione Antoniniana e il diritto dei "novi cives" // *Iura.* 1966. T. XVII. P. 1-26; *Schunbauer E.* Reichsrecht gegen Volksrecht? // *ZSt. RA.* 1931. Bd. 51. S. 277-353; *Idem.* Reichsrecht, Volksrecht und Provincialrecht // *ZSt. RA.* 1937. Bd. 57. S. 309-353.

особенностями. Видные юристы издавали руководства *de officio proconsulis*, где содержались соответствующие указания. В некоторых случаях они прямо предписывали считаться с муниципальными законами (D.43.24.3.4), хотя для всех было очевидно, что постановления принцепсов выше этих законов. Ульпиан, в частности, указывал, что установленное императором имело силу повсюду и отменяло местные законы (D.47.12.3.5). Но это, видимо, имело место в случае прямого столкновения норм местного и императорского права. Практически же римляне старались использовать местные обычаи. Тот же Ульпиан указывал, что если нет установившегося обычая, пусть решение принимает презид провинции (D.48.3.4). В провинциях, где господствующим языком был греческий, нельзя было требовать от новоиспеченных римских граждан владения латынью и приходилось вести судопроизводство на греческом (D.36.1.74). В результате этого зачастую местное право кооперировалось с римским. Продуктом такого симбиоза были имевшие частный характер позднеантичные сборники права типа Сирийско-римского законника V в.¹⁷

Общеимперский уровень формально продолжал оставаться римским. Однако под покровом римских правовых форм вторгавшаяся провинциальная действительность и качественные перемены в общественных отношениях в целом приводили к постепенному отступлению от классических образцов. Постановления императоров создавали юридические прецеденты присутствия в обществе новых общественных групп (например, прикрепленных к месту жительства колонов-оригинариев). Основываясь на них, можно было по-новому смотреть на общество. Но этот новый взгляд существенно корректировался имевшейся в наличии правовой традицией. Постановления императоров, несмотря на передоверенную им римским народом полноту власти и правотворчества, никогда не носили произвольного по отношению к традиции характера. Оформлявшие их юристы согласовывали текст со сложившейся системой и формами права. Поэтому кажущееся современным историкам новшеством в праве IV в. прикрепление колонов и куриалов к месту жительства по сути дела было продолжением развития в новых социальных условиях института местного гражданства¹⁸. Оно основывалось на римской правовой традиции, предполагавшей закрепление за каждым гражданином определенных прав и обязанностей, которые он осуществлял в своей гражданской *origo*¹⁹. В качестве *origo* гражданина рассматривалась определенная городская община, с которой он был связан происхождением, родственными связями, наличием собственности и прав-обязанностей. Массовое распространение римских гражданских прав на широкие слои провинциалов привело общество к определенным трудностям с осуществлением гражданских прав-обязанностей, породившим, в свою очередь, законодательство, имевшее целью упорядочить пользование ими провинциалов. Отсутствие у гражданина связи с определенной городской общиной фактически приравнивало его к лишенным гражданских прав *дeditициям*, которые по многим показателям личного статуса были подобны рабам. Правовые нормы продолжали оставаться прежними, но их наполнение в течение IV в. существенно изменило свое содержание.

Другим примером может служить эволюция в течение IV в. изданного еще в 52 г. Клавдиева сенатусконсульта, который приговаривал к обращению в рабство свободную женщину, вступившую в брачную связь с чужим рабом без разрешения его хозяина. Количественный рост таких связей, особенно в среде императорских рабов и среди сельских жителей, для которых существеннее было реальное положение мужа, нежели его статус, вызвал потребность в отмене сенатусконсульта. Однако римские юристы ни в IV в., ни в 438 г. не пошли на это, хотя Клавдиеву сенатусконсульту неоднократно посвящались постановления разных императоров в течение всего IV в. (см. CTh. IV. 12. 1-7). В результате

¹⁷ Syrisch-Rumisches Rechtsbuch / Ed. Sachau. B., 1907.

¹⁸ Ср.: *Sirks B. Did the Late Roman Government Try to Tie People to Their Profession or Status?* // *Tyche*. 1993. Bd. 8. P. 159-175.

¹⁹ *Norr D. Origo: Studien zur Orts-, Stadt- und Reichszugehörigkeit in der Antike* // *Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis*. 1963. T. 31, Fasc. 4. S. 525-600.

оформился характерный для позднеантичной юридической практики способ избежать действия сенатусконсульта, не изменяя формально его силы. К 398 г. он стал применяться только в том случае, если женщине, сожительствовавшей с чужим рабом, предварительно делалось три предупреждения с соблюдением юридической формы. Если же предупреждений не последовало (или даже их было меньше трех), то свободная женщина могла сколько угодно сожительствовать с рабом, и их дети не обращались в рабство (поскольку брак между свободными и рабами не мог быть законным, то дети наследовали статус матери)²⁰. Просто отменить сенатусконсульт юристы IV в. не могли, так как это формально нарушало бы правовую систему, строившуюся на античном принципе правовой отделенности свободного от раба. Только при Юстиниане, юристы которого пересмотрели всю систему правовых отношений, Клавдиев сенатусконсульт был отменен²¹. Так, при сохранении прежней правовой формы, под ее покровом развивались новые общественные отношения. Известная гибкость позднеантичного права достигалась относительной свободой языка и стиля императорских конституций.

Многие романисты подчеркивают, что язык Кодексов отличен от языка юристов классической эпохи. В императорских конституциях редко используются специальные термины, они как бы избегали технических обозначений. Зато стиль императорских постановлений изобилует популярными разъяснениями и риторическими оборотами. Иногда используемые термины наделялись смыслом, удаленным от строго юридического значения, но близким к бытовому языку. Готовившие постановления квесторы, сами имея разную подготовку и способности, должны были учитывать и уровень юридической подготовки аудитории, к которой обращалась конституция. Специально занимавшийся этим вопросом Т. Оноре, основываясь на данных жившего в VI в. Кассиодора, выделил три типа стилей, которыми пользовались юристы, составлявшие юридическую основу для императорских указов. Низший стиль (*genus humile*) был адресован простому народу, средний (*medium*) - значительным должностным лицам, высокий (*summum*) - правителям областей и монархам. В IV в. значительное число конституций было ориентировано на широкие слои провинциалов, только после Диоклетиана включавшихся в орбиту римской гражданско-правовой жизни. Безусловно, стиль таких обращений был снижен (*genus humile*), имел зачастую пропагандистский характер, изобиловал риторикой. Буквальное восприятие подобных текстов нарушает устоявшуюся в классическом праве систему юридических связей, создает впечатление качественных изменений в самой системе права. Поэтому современные романисты, и прежде всего Э. Леви и М. Казер, определяют позднеимперское право как деградировавшее классическое, как вульгарное право²². Другие, подобно Ф. Виеакеру, предпочитают говорить об отличии позднего вульгарного стиля от классического²³. Считается, что язык законодательства стал изменяться начиная с правления Константина, хотя по современным данным и не столь существенно, как первоначально полагали. И в IV в. были квесторы, постановления которых близки по стилю классическому праву. Возможно, изменение выражений само по себе не означало изменения сущности права. В некоторых современных работах подвергается сомнению тезис Э. Леви о вульгаризации позднеантичного права. Например, исследование В. Фосса конституций, посвященных продаже и передаче собственности, показывает, что эти законы не изменяли содержания сложившегося еще в эпоху Ранней империи права собственности²⁴. Однако длительное, на

²⁰ См.: *Konnes A.B.* Римское законодательство IV-V вв. о браках рабов и колонов // ВДИ. 1985. N 4. С. 67-71 = *Koptev A.* Legislation romain des IV e et V e siecles sui les mariages d'esclaves et de colons // Esclavage et dependance dans l'historiographie sovietique recente / Ed. M.-M. Mactoux et E. Guny. P., 1995. P. 127-156.

²¹ *Sirks B.* Ad senatus consultum Claudianum // ZSt. RA. 1994. Bd. 111. S. 436-437.

²² *Kaser M.* Das römische Privatrecht. München, 1959. Bd. 2; *Levy E.* West Roman Vulgar Law; The Law of Property. Philadelphia, 1951; *Idem.* Westromisches Vulgarrecht: Das Obligationenrecht. Weimar, 1956.

²³ *Wieacker F.* Vulgarismus und Klassizismus in Recht der Spätantike. Heidelberg, 1955; *Idem.* Recht und Gesellschaft in der Spätantike. Stuttgart, 1964.

²⁴ *Foss W.E.* Recht und Rhetorik in den Kaisergesetzen der Spätantike. Kln, 1982.

протяжении нескольких поколений, употребление новых обозначений, таких, например, как держание по *ius perpetuum*, не только превращало их в привычные технические термины, но и формировало новое правовое отношение. Постепенно складывалась двойственная ситуация: сохранявшая авторитет прежняя правовая система подразумевала юридическую недействительность таких обозначений, но фактические отношения, оформившиеся в новую правовую традицию, требовали их узаконения. Так появилась потребность в приведении в соответствие системы права и нарушавших ее новшеств. Такие реформы были осуществлены только в VI в. при Юстиниане. Кодификация Феодосия II явилась промежуточным этапом в нарастании элементов вульгаризации, которые в это время больше проявлялись не в изменении отдельных норм, а в расшатывании целостности самой правовой системы. Но этот промежуточный рубеж знаменовал собой смену акцентов в противостоянии классической системы и усиливавшихся вульгаризмов.

Обстоятельства кодификации известны недостаточно полно²⁵. В 429 г. Феодосий назначил комиссию из девяти человек, которая должна была, во-первых, собрать все императорские конституции со времени Константина, включая и устаревшие, а во-вторых, для практического употребления составить сборник действующих конституций (CTh.I.1.5 - 429). Первая часть вместе с Грегориевым и Гермогениановым Кодексами должна была служить для обучения юристов, которым нужно знать и прошлое право. Сборник действующих конституций следовало пополнить выдержками из ответов (*responsa*) и трактатов юристов, чтобы таким образом объединить в одном своде как *leges*, так и *ius vetus*. Однако о результатах работы этой комиссии ничего не известно. В 435 г. была образована новая комиссия из шестнадцати человек во главе с квестором дворцового ведомства Антиохом. Эта комиссия получила, как считается, более скромную задачу - собрать и несколько отредактировать императорские конституции (CTh.I.1.6-435.). Она справилась с ней за два года. В результате получилось 16 книг, разделенных на титулы, не все из которых сохранились в полном объеме. Утеряна значительная часть первых шести книг. Количество конституций, посвященных проблемам *ius publicum*, существенно превосходит количество постановлений, относящихся к частному праву. Первая книга Кодекса посвящена источникам права и компетенции имперских должностных лиц. Книги со второй по пятую относятся к частному праву, они строятся в соответствии с порядком, принятым в дигестах классических юристов. Шестая и седьмая книги рассматривают иерархию имперских должностных лиц высшего ранга, их привилегии, особые права воинов. Восьмая книга объединяет многие законы относительно низших гражданских должностных лиц и некоторые вопросы частного права. Девятая книга посвящена уголовному праву, десятая и одиннадцатая - финансовому. Книги с двенадцатой по пятнадцатую несут в себе нормы городской гражданской организации и различных корпораций. Шестнадцатая книга освещает организационные вопросы, связанные с церковью, и церковное право. С начала 439 г. Кодекс приобрел официальный статус во всей Империи вместе с Кодексами Грегория и Гермогениана, которые до этого имели неофициальный характер.

Работа комиссии Антиоха состояла прежде всего в сборе императорских постановлений, в течение века рассылавшихся во все концы Империи. Тексты получали из разных мест: из архивов центральных ведомств, префектур, юридических школ, частных коллекций и писем. Не всегда удавалось обнаружить аутентичный текст. Иногда в местных канцеляриях за него выдавались интерпретации императорских постановлений местными властями и даже просто фальсификации. В императорские эдикты, видимо, иногда интерполировали те положения, которые устраивали местные власти. Высшие должностные лица (например, префект

²⁵ Fusco S.-A. *Constitutiones principum* und Kodifikation in der Spätantike // Chiron. 1974. Bd. 4. S. 609-628; Albanese B. Sul programma legislativo esposto nel 429 da Teodosio II // APal. 1975. T. 38. P. 251-269; Archi G.G. Teodosio e sua codificazione. Napoli, 1976. P. 35-36; Gaudemet J. La formation du droit seculier et du droit de l'eglise aux IVe et V^e siecles. P., 1979. P. 48-52; Manfredini A.D. Osservazioni sulla compilazione teodosiana (C.Th.1.1.5,6 e Nov.Theod.1) in margine a CTh.9.34 (de famosis libellis) // Atti dell'Accademia Romanistica Costantiniana. IV. 1979. Perugia, 1981. P. 387-428.

претория), которым направлялись конституции, содержавшие общие положения, имели право издавать собственные, имевшие местное хождение, трактовки императорских законов. Юристы Феодосия, видимо, потратили немало сил на их проверку и исправление. Современные исследователи исходят из кажущегося само собой разумеющимся представления о том, что основной задачей комиссии Антиоха был сбор всех *leges generales* и *edictales*, имевших хождение с 312 г. безотносительно к территориальным ограничениям их действия²⁶. Все конституции, после очистки их от *interpretationes* и *non ad vim sanctiones pertinentia*, были опубликованы в Кодексе. Целью такой работы было положить конец сумятице в судах и адвокатских конторах, происходившей вследствие неясности в отношении объема действия императорских конституций и сомнений в текстуальной достоверности находившихся в обращении эдиктов. Эта цель была заявлена в *Nov.Theod. I*. При этом акцентируется внимание на качественном отличии Кодекса Феодосия, бывшего скорее простым сборником конституций, от современных кодексов права²⁷. Это мнение обосновывается тем, что создатели Кодекса Феодосия не стремились решать юридических контроверз, не обозначили основных принципов развития права, не организовали собранный материал в систему, не суммировали наиболее важные юридические источники в единый документ, который получил бы высший авторитет ключевого раздела права. Но кажется, что при этом упускается из виду то обстоятельство, что Кодекс Феодосия был составной частью системы, в которую кроме него и двух Кодексов эпохи Диоклетиана входили имевшие повсеместное распространение сочинения юристов классической эпохи. В качестве сборника законов Кодекс выступал дополняющим завершением той системы классического права, которая продолжала использоваться на практике. Возможно, поэтому императоры V в. называли продукт деятельности Феодосия II - *Theodosianum corpus* (*INov.Theod.16; 22; Nov.Val.32; 35*) и *Theodosiani codicis corpus* (*I Nov.Maior.7*).

Во включенной в Кодекс известной конституции 426 г., получившей в современной науке название "Закона о цитировании", был подтвержден авторитет права II-III вв., развивавшегося в комментариях юристов²⁸. Было выделено пять юристов - Папиниан, Павел, Ульпиан, Модестин и Гай - мнение которых получило приоритет перед другими. Не случайно, видимо, что за исключением Гая, попавшего в этот список, вероятно, за плодovitость и доступность изложения, расцвет деятельности четверых остальных приходился на начало III в., когда не без их участия был издан эдикт Каракаллы, имевший определяющее значение для развития позднеантичного общества и права. В конце конституции 426 г., первоначально изданной на Западе Валентинианом III а затем включенной в Кодекс комиссией Феодосия, было специально оговорено (вероятно, при включении в Кодекс), что всегда имеют силу "Сентенции Павла", хотя Павел в числе наиболее авторитетных юристов уже упоминался. Видимо, отредактированные в начале IV в. "Сентенции" стояли особняком по отношению к другим сочинениям Павла. Ж. Годемэ выразил широко распространенное мнение, согласно которому включение "Закона о цитировании" в Кодекс Феодосия сделало этот закон действующим во всей империи²⁹. Однако не все исследователи согласны с этим положением³⁰. Б.Сиркс рассматривает конституцию Валентиниана 426 г. в качестве западной альтернативы Кодексу Феодосия для определения *leges generales*³¹. По его мнению, она придала статус *leges generales* только западным конституциям и рескриптам (*CJ.I.14.2;3; I.19.7; I.22.5*). А ее включение в Кодекс Феодосия было необходимо, чтобы сохранить этот статус за всеми вошедшими в него

²⁶ *Sirks B.* From the Theodosian to the Justinian Code. P. 265.

²⁷ *van der Wal N.* Die Textfassung der spatrumischen Kaisergeretze in den Codices // *BIDR.* 1980. Vol. 83. P.1.

²⁸ Об этой конституции см.: *Volterra E.* Sulla legge delle citazioni // *MAL.* 1983. 8,27. P.185-267.

²⁹ *Gaudemet J.* La formation du droit seculier et du droit de l'eglise aux IVe et V^e siecles. P., 1979. P. 80, 81.

³⁰ *Falchi G.L.* La codificazione di Teodosio II e la legge delle citazioni nella parte orientale dell'impero // *Atti dell'Accademia Romanistica Costantiniana*, V, 1981. Perugia, 1983. P. 209-245.

³¹ *Sirks B.* From the Theodosian to the Justinian Code. P. 290.

западными постановлениями. Восточные конституции приобрели такую же силу только после издания CTh.I.1.6 и Nov.Theod.1, утвердивших Кодекс.

Титулы, на которые подразделяются книги Кодекса Феодосия, имеют оглавление, которое концентрировало собранные в них конституции как по злободневным для IV в. вопросам (например, о дефенсорах городских общин), так и в соответствии с традиционными формами классического права (например, *Unde vi, Utrubi, Quod iussu*). Конституции в титуле располагаются в хронологической последовательности. Титул обычно начинается законами Константина и заканчивается законами Феодосия II и Валентиниана III. Очевидная редакторская правка, которой подверглись попавшие в титулы конституции, и наличие в Кодексе Юстиниана многих конституций IV в., не вошедших в Кодекс Феодосия, заставляют считать, что работа комиссии Антиоха не ограничивалась одним только сбором конституций. Императорские конституции приводятся в Кодексе чаще всего не целиком, а в усеченном, либо расчлененном виде. Некоторые законы были разделены так, что их части попали в разные титулы. Другие были объединены с законами или их частями того же года издания, когда они попадали в один титул. Можно сказать, что императорские конституции использовались кодификаторами как своего рода строительный материал, при помощи которого они могли наиболее выразительно для своего времени представить состояние того или иного юридического института. Поэтому часть собранного материала, видимо, просто не вошла в Кодекс по причине дублирования, либо сомнений в его надежности, либо невыразительности или просто ненужности для целей составителей Кодекса. По этой причине многие конституции сокращены в Кодексе: из них выбрано лишь то, что могло охарактеризовать тот раздел права, в титул которого помещался данный отрывок. Все же, следует отметить, что Антиох и его сотрудники относились к исходному тексту конституций с большим уважением и щепетильностью, чем Трибониан, руководивший кодификацией Юстиниана. Часто они сами указывали на неполноту конституции словами "после прочего" (*post alia*) перед текстом, "и прочее" (*et cetera*) после текста. Это как будто показывает, что чаще всего опускались устаревшие к моменту кодификации конкретные обращения и риторические отступления начала и конца конституций. В этом случае основная часть постановления должна была оставаться нетронутой. Однако зачастую краткость цитируемых отрывков указывает на то, что и основное содержание подверглось по крайней мере существенному уменьшению. А даже простое сокращение постановлений могло изменить акценты в их содержании. Современный читатель сохранных Кодексом текстов, тем более специалист, вычленивший постановление для собственных нужд и часто забывающий, что оно было частью продуманной системы, может увидеть в нем совсем не тот смысл, который присутствовал изначально. Фактически конституции Кодекса могут иметь по меньшей мере три уровня в своем содержании: 1) первоначальный смысл; 2) смысл, вложенный в интересах кодификации; 3) смысл, обнаруживаемый современным читателем. Не всегда эти три уровня совпадают. Но, кроме того, современные исследователи подозревают, что по крайней мере некоторые конституции подвергались интерполяциям составителей Кодекса, которые в интересах своего дела подправляли и корректировали используемые тексты³². В этом случае содержание конституций более соответствовало представлениям 20-30-х годов V в., нежели времени ее издания. Поэтому при использовании текстов императорских постановлений из Кодекса всегда следует быть настороже. Конституции, принятые его составителями за оригинальные, могут таковыми и не быть, а оказаться пересказами, сделанными в своих целях чиновником, судьей или учителем права. Делать интерполяции к конституциям стали, как считается, со времен Константина. Предполагают, что чаще они встречаются в конституциях более раннего периода. Только со времени Феодосия I (379-395 гг.) комиссия могла работать с настоящими архивами префектур и императорских канцелярий.

³² *Volterra E. Il Problema del testo delle costituzioni imperiali: La critica del testo // BIDR. 1977. Vol. 80. P. 151-177; 1981. Vol. 84. P. 85-124.*

К тому же отнюдь не все конституции Кодекса дошли в его рукописях. Часть их сохранилась в составленном по материалам Кодекса Феодосия в 506 г. Бревиарии вестготского короля Алариха³³. По распоряжению последнего его юрист Гойарий (Gojarus) отобрал актуальные для завоеванных встготами к началу VI в. земель Испании, Галлии, Италии императорские постановления. Современные исследователи иногда считают, что он часто использовал не сами конституции, а их резюме. Очевидно, он опускал законы, которые устарели к его времени. Включенные же в Бревиарий постановления часто короче оригинала, а иногда и сохранившегося текста в Кодексе Феодосия. Не всегда ясно, насколько существенно был изменен первоначальный текст в вестготской редакции. Каким принципом руководствовались при сокращении? Или текст просто пересказан? Последнее вряд ли вероятно. В начале века П. Крюгер, сравнив версии законов из седьмой и шестнадцатой книг Кодекса Феодосия и соответствующие им тексты из Бревиария Алариха, пришел к выводу о достаточно точном следовании вестготами оригинальному тексту³⁴. Ведь от этого зависело соблюдение прав собственности. Кроме того, вероятность пересказа исключается наличием интерпретаций, сделанных Гойарием ко многим из конституций, текст которых приводится здесь же. Интерпретации короче оригинальных текстов. Они передают общий смысл конституции, часто упрощая и огрубляя его. При этом опускались нюансы, которые связывали текст из Кодекса Феодосия с системой римских правовых воззрений. Поэтому римское право в интерпретациях Бревиария Алариха существенно вульгаризировано по сравнению с Кодексом Феодосия. Считается, что некоторые интерпретации относились к более полному тексту, чем мы имеем в распоряжении, и дают дополнительную информацию. Ф. Виеакер выделил два типа стилей в интерпретациях Бревиария: риторический, близко передающий смысл текста, и простой, более резко уклоняющийся от него. Впрочем, иногда оба стиля пересекаются друг с другом. Таким образом, некоторые из дошедших до нас конституций Кодекса подвергались редакции по крайней мере дважды: при включении их в Кодекс Феодосия и во время составления Бревиария Алариха. В то же время существует мнение, что делать интерпретации к императорским конституциям начали не с Алариха, а уже при Константине³⁵.

В Кодексе встречаются законы, взаимоисключающие друг друга. Так, например, конституция Валентиниана II (XVI. 1. 4 - 386) предоставляет свободу собраний арианами, а рядом в той же книге, но другом титуле (XVI. 5. 6 - 381; 11 - 383; 12 - 383) помещены законы, запрещающие такие собрания. В этом случае, видимо, действовал сформулированный Модестином принцип, в соответствии с которым более ранний закон отменялся изданным позднее (D.1.4.4). Используя этот принцип, читатели Кодекса могли определить для себя современное состояние права. В то же время не действовавшая по одному вопросу, но тем не менее помещенная в Кодекс конституция сохраняла значение по другому, обозначенному в титуле, для характеристики которого она и занимала в нем определенное место. При беглом чтении часто создается впечатление, что многие конституции повторяют друг друга, даже буквально муссируют одно и то же положение. Однако при более внимательном взгляде оказывается, что каждая конституция несла в себе пусть малую, но частицу нового, иной акцент, нюанс, штрих, дополнение. Для современного читателя было бы привычнее, чтобы это было выражено более концентрированно, без лишней риторики и повторов, более теоретично и рационально. Такой стиль мы встречаем в сочинениях юристов классического периода. Поэтому полное замещение разрабатывавшегося юристами права императорскими конституциями создает впечатление упрощения и деградации постклассического права. Но, быть может, дело здесь в том, что правовой текст императорских постановлений имел иную природу, нежели сочинения юристов. Уважение, хотя бы и формальное, к изреченному слову было продолжением уважения к его носителю императору, олицетворявшему собой

³³ *Breviarium Codicis Theodosiani. Lex Romana Visigothorum* / Ed. G. Haenel. Leipzig, 1849.

³⁴ *Krueger P. Geschichte der Quellen und Literatur des Römischen Rechts. 2. Aufl. B., 1912. S. 352.*

³⁵ *Honore T. The making Theodosian Code. P. 159.*

гражданский коллектив. Кроме того, следует учитывать и еще одно обстоятельство, выпавшее из поля зрения современной науки. Практически законом в позднеантичном Кодексе являлась не отдельная конституция, утратившая при включении в него большую часть своего текста, а весь титул в целом. Обычно он объединял в себе несколько разновременных постановлений, отрывки из которых так компоновались руками кодификаторов, что составляли цельную систему.

Эволюция общих принципов постклассического права происходила в конкретной исторической обстановке противостояния двух центров римской цивилизации, представленных Римом и Константинополем. Современные специалисты часто экстраполируют это противостояние на содержание Кодексов, разделяя конституции, адресованные в западные и восточные провинции Империи. В основе такого подхода лежит предположение Ж. Гудемэ, согласно которому формальное разделение Империи на две половины после смерти Феодосия Великого оказалось возможным потому, что к этому времени Восток и Запад уже представляли обособленные друг от друга экономические, культурные и политические единства³⁶. По мнению Б. Сиркса, администрация и законодательство были едиными только до раздела империи в 364 г. между Валентинианом и Валентом, исключая неясный период совместного правления Константина и Лициния в 313 - 324 гг. С 364 до 535 гг. деление Империи на Восток и Запад сохранялось на всех уровнях организации, даже в период кратковременного единоличного правления Феодосия I³⁷. Издание конституций от имени императоров обеих частей Империи было не более чем формальной декларацией, а Западная и Восточная империи развивались каждая по своему собственному пути. При таком подходе становится возможным говорить о развитии различных юридических систем Запада и Востока. В пользу их наличия уже в V в. трактуют обнаруженные Э. Волтеррой некоторые различия в правах наследования матерями имений своих умерших детей или показанное Ж. Гудемэ разное положение евреев по отношению к куриям³⁸. Однако формальное единство Империи продолжало сохраняться³⁹. К тому же, она гораздо дольше оставалась единым политическим и юридическим целым, чем принято считать в литературе общего характера. Не только 395, но даже и 476 г. не были конечной датой окончательного распада былого единства⁴⁰. Поэтому вряд ли следует преувеличивать значение раздела Империи в 364 г. Основа развивавшегося более четырех столетий права была общей в обеих ее частях⁴¹.

Как бы там ни было, приведенный эволюцией общества и права к необходимости кодификации Феодосий II и созданная им комиссия были вынуждены руководствоваться в своей деятельности диалектически противоречивыми обстоятельствами: развивавшимся политическим противостоянием Востока и Запада, с одной стороны, и сохранявшимся единством правовой и конституционной системы - с другой. Потребность в коррекции права стала ощущаться уже в середине 60-х годов IV в. после прихода к власти активного Валентиниана I. Ее причиной был не раздел Империи, произведенный с целью освободиться из-под контроля римской сенатской знати, а объективный процесс применения римских правовых норм на внемуниципальных территориях. Расширение сферы экзимирированной собственности после Константина привело имперское общество в состояние конфликта между

³⁶ *Gaudemet J.* Le partage législatif dans la seconde moitié du IVe siècle // Studi in onore di P. De Francisci. Milano, 1954. Vol. 2. P. 339 ff.

³⁷ *Sirks B.* From the Theodosian to the Justinian Code. P. 266.

³⁸ *Volterra E.* L'efficacia delle costituzioni imperiali emanate per le provincie e l'istituto dell'"expositio" // Studi Besta I. Milano, 1937. 447-477; *Gaudemet J.* Le partage législatif. P. 328-329 = Etudes de droit romain. Napoli, 1979. Vol. I. P. 138-139; *Gaudemet J.* La législation du IVème siècle, programme d'enquête // Atti dell'Accademia Romanistica Costantiniana. I. 1973. Perugia, 1975. P. 150-151.

³⁹ *Palanque J. - H.* Collegialité et partages dans l'Empire Romain au IVe et Ve siècles // REA. 1944. Vol. 46. P. 47-64, 280-298; *Gaudemet J.* La formation du droit séculier et du droit de l'église aux IVe et Ve siècles. P. 21-27.

⁴⁰ *Zecchini G.* Il 476 nella storiografia tardoantica // Aevum. 1985. A. 59, Fasc. 1. P. 3-23.

⁴¹ *Sirks B.* From the Theodosian to the Justinian Code. P. 267 ff.

городами и внегородскими территориями. За ними стояли интересы достаточно широких общественных слоев. Политика Констанция, нацеленная на укрепление восточного центра управления Империей, была ориентирована преимущественно на верхние слои имперского общества, прежде всего восточной его половины. Это, по-видимому, вызвало сильную оппозицию среди рядового городского населения, которое в религиозной области нашло поддержку у сельского населения Запада. При Юлиане этим противостоянием смогла воспользоваться ущемленная Константином и Констанцием западная знать. Валентиниан I сумел найти адекватные формы урегулирования социальных проблем, обострившихся при Юлиане Отступнике. Однако найденный им временный компромисс между городской и экзимирированной собственностью с течением времени способствовал укреплению претензий последней на роль признанной правом структурной единицы римской государственной системы. Это очень скоро обнаружило различия в общественном строе западной и восточной половин Империи.

Когда в 423 г. умер западный император Гонорий, восточное правительство решило восстановить юридическое и политическое единство Империи⁴². Первоначальный план предполагал сделать Феодосия II единственным императором. Но претензии Востока на первенство, хотя и поддержанные в Испании, не были приняты в Риме и Равенне. Через четыре месяца после смерти Гонория императором в Риме стал Иоанн, занимавший должность *primicerius notariorum*. Возможно, он был избран потому, что план Феодосия содержал в себе угрозу положению западной аристократии. В 425 г. Иоанн был казнен в Равенне и императором Запада с помощью Константинополя стал малолетний Валентиниан III. Роль регента при нем выполняла его мать Галла Пластидия, тетка Феодосия II. Валентиниан оказался подчинен Константинополю пусть не юридически, но фактически. Единство Империи в правовой области было восстановлено. Законодательство западной и восточной половин Империи, как и прежде, стало в равной степени обязательным и для другой части. Еще в начале века О. Зеек выявил, что в Кодексе Феодосия западных конституций больше, чем восточных⁴³. В то же время создание Кодекса было чисто восточным предприятием, к которому Феодосий никак не привлекал правительство Валентиниана. Несмотря на это, Кодекс создавался для всей Империи в целом, поскольку Феодосий рассматривал западную половину в качестве находящейся под его патронатом. Правовая основа императорской власти предполагала, что каждый август издавал законы не только от своего имени, но и от имени своего коллеги (так же и цезари, и префекты претория). Поэтому императорское законодательство, каковы бы ни были его истоки, принималось и для Запада, и для Востока, если специально не оговаривались частные пределы его распространения. С этой точки зрения не было западных или восточных законов, но только законы общего или местного применения⁴⁴. Другое дело, что императоры Запада и Востока адресовали свои конституции только в префектуры, диоцезы и провинции подведомственной им территории. Для использования их *constitutiones generales* в другой части Империи требовалось не утверждение их другим императором, как считается исследователями, а переадресовка их подведомственным ему должностным лицам. Но точно также использование, к примеру, адресованной в один диоцез конституции администрацией другого диоцеза той же половины Империи требовало переадресации ее туда. Поэтому действовавшее

⁴² Ср.: *Gaudemet J. Aspects politiques de la codification theodosienne // Atti di un incontro tra storici e giuristi Firenze 2-4 maggio 1974. Milano, 1976. P. 261-279 (repr.: Gaudemet J. Etudes de droit romain. Napoli, 1979. Vol. I. P. 349-369).*

⁴³ *Seeck O. Regesten der Kaiser und Papste für die Jahre 311-476 n.Chr. Stuttgart, 1919. S. 12.*

⁴⁴ Не кажется убедительной попытка Б. Сиркса доказать обратное на примерах сравнения CTh.VI.23.2-432 (Запад) и CTh.VI.23.4 - 437 (Восток), а также CTh.X.19.5 - 370 (Восток) и CTh.X.19.7 - 373 (Запад). См.: *Sirks B. From the Theodosian to the Justinian Code. P. 267-268.* В работах Дж. Луццатто и М. Доминици, на которые он ссылается, доказано лишь различие между конституциями, имевшими общее для всей Империи, местное для отдельных провинций, диоцезов или префектур значение. Трактовка этого различия в качестве западного и восточного не представляется корректной. См.: *Luzzatto G.I. Ricerche sull'applicazione delle costituzioni imperiali nelle provincie // Scritti in onore di Ferrini. Milano, 1946. P. 265-293; De Dominicis M.A. Il problema dei rapporti burocratico-legislativi tra "Occidente ed Oriente" nel Basso Impero Romano alla luce delle inscriptiones e subscriptiones delle costituzioni imperiali // RIL. 1954. 87. P. 329 ff.*

право оставалось единым для всей Империи, различаясь только общим или частным применением⁴⁵. На практике, конечно, собирая конституции, часто было трудно решить, какой закон имел общее значение в географическом смысле, а какой - в концептуальном⁴⁶. Включенные в Кодекс законы даже ограниченного, местного применения становились общими законами - *leges generales et edictales*⁴⁷. А согласно принятым нормам, общие законы применялись во всей Империи. Поэтому для юристов-практиков V в. не имели значения ни происхождение конституций, ни факт кодификации на Востоке. Все конституции Кодекса приобретали силу для всех частей Империи⁴⁸.

Будучи опубликованным, Кодекс получил статус прошлого закона (*ius vetus*). Не вошедшие в него конституции IV - начала V в. формально потеряли силу и официально не могли быть использованы для обоснования судебных решений⁴⁹. Однако они продолжали храниться в судебных архивах и частных коллекциях и, быть может, на практике продолжали использоваться⁵⁰. По крайней мере, когда в 529-534 гг. Юстиниан проводил свою кодификацию, в его Кодекс было включено немало конституций, которые не были приняты комиссией Феодосия⁵¹. Б. Сиркс считает, что объявление Феодосием II недействительными невключенных в Кодекс конституций касалось только Восточной империи⁵². Согласно Новелле Феодосия (I.8): *edictis prop(ositis) in omnium populorum, in omnium provinciarum notitiam scita maiestatis augustae nostrae faciat provenire*. Но ратификация Кодекса на Западе с 1 января 439 г. должна была означать, что связанные с ним нормы распространялись по всей Империи.

Иное дело законы, появившиеся после издания Кодекса Феодосия. Они приобретали силу в другой части Империи только если официально передавались туда и публиковались там в форме эдикта⁵³. Став центром официальной кодификации права (до 438 г. Кодексы Григория и Гермогениана имели характер частных собраний), Константинополь окончательно оформил свой приоритет правового центра Империи. Теперь восточное правительство претендовало на то, чтобы западное получало от него и публиковало восточные конституции, а не наоборот, как было одно время при Стилихоне. Судя по Новеллам к Кодексу Феодосия, относящимся к

⁴⁵ Конечно, на основе разделения императорских канцелярий стали формироваться различные подходы к отдельным частным вопросам. Постепенно они, вероятно, оформлялись в цельную систему, отличая право Восточной и Западной империи. Однако очевидно, что такие системы возникли не сразу с разделением императорских канцелярий и отнюдь не по всем правовым проблемам. Следовательно, в эволюции римского права Запады и Востока следует искать некую переломную эпоху, когда только намечившееся в IV в. разделение достигло критической точки и стало оформляться в юридические нормы и ориентироваться на различную терминологию.

⁴⁶ Ср.: *Bianchini M.* Caso concreto e lex generalis: Per lo studio della tecnica e della politica normativa da Costantino a Teodosio II. Milano, 1979.

⁴⁷ *Palanque J.* - H. Op. cit. P. 292; *Gaudemet J.* La formation du droit... P. 30; *Volterra E.* Sulla legge delle citazioni. P. 212. Против выступает Сиркс, указывающий на отсутствие утверждения Кодекса Феодосия императорами Запады. Другие исследователи видят такое утверждение в *Gesta senatus Romani de Theodosiano publicando*. См.: *Sirks B.* From the Theodosian to the Justinian Code. P. 274-276.

⁴⁸ Nov.Theod.I.3: *nulli post Kal.Ian. concessa licentia ad forum et cotidianas advocaciones ius principale deferre vel litis instrumenta componere, nisi ex his videlicet libris, qui in nostri nominis vocabulum transierunt; Nov.Theod.2 pr.: nec aliter in iudicio quas contineret leges, nisi ex ipso [codice] proferentur, valere praeciperet.*

⁴⁹ Вероятно, публикация не всегда была условием действия постановления. В Const.Sirmond.1. Константин выражал недовольство игнорированием префектом претория неопубликованных, но имевших силу конституций. См.: *Gaudemet J.* La formation du droit... P. 19; *Schwind F.* Zur Frage der Publikation im Römischen Recht. 2. Aufl. München, 1973. S. 91; 155 ff.; 177 ff. По мнению Н. ван дер Вала, публикация была необходима в случае *lex generalis*, каковыми становились конституции, включенные в Кодекс. Другие императорские решения, типа *orationes ad senatum missae*, не публиковались, но имели юридическую силу, будучи помещенными в архив. См.: *van der Wal N.* Edictum und lex edictalis; Form und Inhalt der Kaisergesetze im spätromischen Reich // RIDA. 1981. T. 28. S. 298; *Idem.* Die Textfassung der spätromischen Kaisergesetze in den Codices// BDR. 1980. Vol. 83. P.15 ff.

⁵⁰ *Удальцова З.В.* Законодательные реформы Юстиниана // ВВ. 1965. Т. 26; 1967. Т. 27; *Она же.* Законодательные реформы Юстиниана // История Византии. М., 1967. Т. 1. С. 246-266; *Лунинц Е.Э.* Право и суд в Византии IV-VII вв. Л., 1976.

⁵¹ *Sirks B.* From the Theodosian to the Justinian Code. P. 270-271.

⁵² Nov.Theod. 1. 5: *His adicimus nullam constitutionem in posterum velut latam in partibus Occidentis aliove in loco ab invictissimo principe filio nostrae clementiae p(er)petuo Augusto Valentiniano posse proferri vel vim legis aliquam obtinere, nisi hoc divina pragmatica nostris mentibus intimetur.* Cp.: *De Marini Avonzo F.* La politica legislativa di Valentiniano III e Teodosio II. Torino, 1975. P.126-127.

⁵³ *Voss W.E.* Juristen und Rhetoren als Schöpfer der Novellen Theodosius II // Das Profil der Juristen in der europäischen Tradition. 1980. S. 228-244.

440-468 гг., и конституциям V в., вошедшим в Кодекс Юстиниана, после кодификации Феодосия восточные конституции передавались на Запад и использовались там, тогда как западные конституции почти не принимались на Востоке.

Изданные после 438 г. конституции Феодосия II не вошли в его Кодекс⁵⁴. Они сохранились в качестве Новелл Феодосия (*novellae constitutiones*). Они собирались и использовались в судопроизводстве Западной и Восточной империй еще в период совместного правления Феодосия II и Валентиниана III до 450 г. Сохранилась конституция 1 октября 447 г. "О ратификации новых законов божественного Феодосия". После смерти Феодосия II эту практику продолжил его преемник на Востоке император Марциан (450-457 гг.). При нем, видимо, продолжался интенсивный обмен конституциями с правительством Валентиниана III. Правивший на Западе в 457-461 гг. Майориан, с именем которого современные исследователи связывают последнюю попытку позднеантичной реставрации Западной империи, собрал имевшие хождение в своей части Империи законы Новелл Феодосия II, Валентиниана III и свои собственные в единый Корпус. Возможно, в основе его собрания лежал уже созданный к 460-461 гг. сборник новелл Феодосия II⁵⁵. Новеллы Марциана не были включены в него. Не исключено, они составляли самостоятельный сборник, отталкиваясь от которого, Майориан предполагал вернуть правовой центр Империи на Запад. При этом правовые установки обоих были достаточно близки. Вместе с собранными Майорианом конституциями Новеллы Марциана были использованы в Бrevиарии Алариха II. Сюда же были включены несколько конституций западных императоров Либия Севера (461-465 гг.) и Антемия (467-472 гг.). Издававшиеся в то же время на Востоке конституции императора Льва (457-474 гг.), а затем Зенона (474-491 гг.) уже не привлекли внимания вестготского юриста. Постепенно они образовали самостоятельное правовое течение, приведшее к кодификации Юстиниана. Небезынтересно, что именно с этого времени (последняя треть V в.) началось расхождение коллатеральной терминологии Запада и Востока: начиная с правления Льва появляются термины "адскрипции" и "свободные колонны", не использовавшиеся на Западе.

Таким образом, в Новеллы к Кодексу Феодосия вошли постановления правивших на Востоке Феодосия II и Марциана и на Западе Валентиниана III, Майориана, Либия Севера и Антемия. Эти постановления, поскольку они не были отредактированы кодификационной комиссией для своих целей, существенно отличаются от большинства конституций Кодекса своим объемом. Фактически именно Новеллы дают пример того, что собой представлял императорский эдикт IV-V вв.

В восточной части Империи действие Кодекса Феодосия прекратилось после опубликования Кодекса Юстиниана в 529 г. На Западе его активно рецептировали юристы варварских королей, образовавших королевства на территории Римской империи. В конце V - начале VI в. на основе Кодекса Феодосия были созданы вестготские Кодекс Эрика и Бrevиарий Алариха II, бургундский Римский Закон Гундобада и остроготский Эдикт Теодориха. Ликвидация политического единства западных римских провинций тем не менее не означала быстрого исчезновения там позднеантичного общества. Варварские переселенцы составляли меньшинство населения рядом с римлянами кельтского, иберийского и иного происхождения. Римские правовые нормы в постоянно перерабатывавшемся виде продолжали использоваться до XII в.

⁵⁴ *Liebs D. Die Jurisprudenz im spartantiken Italien (260-640 n.Chr.)*. В., 1987. S. 188 ff.

⁵⁵ См.: *Jones A.H.M. The Roman Colonate // The Roman Economy: Studies in Ancient Economic and administrative History* / Ed. P.A.Brunt. Oxford, 1974. P.303; *Фихман И.Ф. Приписные колонны (адскрипции-энапографы) по данным папирусов // Проблемы социальных отношений и формы зависимости на Древнем Востоке*. М., 1984. С. 168-170.

LA CODIFICAZIONE DI TEODOSIO II E LE SUE PREMESSE

(RIASSUNTO)

L'autore accetta la comune opinione secondo cui il Codice di Teodosio II fu reso vigente per l'Impero Occidentale dal 1° gennaio del 439, nonostante una parte degli studiosi lo ritengano in vigore solo per l'Impero Orientale. L'emanazione del Codice Teodosiano prova che l'epoca di Teodosio fu, per lo sviluppo della società romana, una tappa importante quanto il periodo di Diocleziano, a cui risalgono le codificazioni di Gregorio e di Ermogeniano, e l'epoca di Giustiniano.

Dopo Costantino, nella prassi sociale si stabilirono dei rapporti ai quali l'Editto di Caracalla del 212 aveva aperto la strada. Il Codice Teodosiano cercò di confermare i cambiamenti avvenuti nel sistema giuridico sotto l'influsso della nuova prassi sociale. Allo stesso tempo bisogna tenere presente il carattere dell'applicazione del diritto che si presentava su due livelli, quello statale e quello locale. Questi livelli corrispondevano alla doppia cittadinanza della tarda antichità romana, quella dell'Impero e quella municipale. Il diritto contenuto nel Codice si applicava al primo livello, quello imperiale, mentre, nel secondo livello, quello locale, tale diritto veniva spesso deformato dagli influssi ellenistici od altro. Perciò, la comparsa nei codici dell'annessione dei *curiali* e dei *coloni*, non era la conseguenza dell'influsso del diritto provinciale, ma rappresentava lo sviluppo, in conformità a nuove condizioni, delle norme classiche romane, come per esempio il principio di *origo*. I giuristi dell'epoca tardoromana non mutarono le norme classiche del diritto, ma furono costretti a adattarle alle nuove condizioni, introducendo le necessarie aggiunte. Una di queste aggiunte fu il triplo avviso dato alla libera che avesse contratto matrimonio con uno schiavo altrui prima di ridurla in schiavitù in base al *senatusconsultum* di Claudio. Tale senatoconsulto non venne abolito, ma la sua azione poteva venire paralizzata in mancanza degli avvisi.

L'obiettivo della codificazione non fu semplicemente la raccolta del maggior numero di costituzioni imperiali, ma anche l'illustrazione, con l'aiuto di esse, delle norme giuridiche in vigore all'inizio del V secolo. Perciò, le costituzioni raccolte dalla commissione di Antioco vennero abbreviate e

redatte, formando *sui generis* "materiale da costruzione" per il nuovo diritto. La costituzione non presenta nel Codice una norma a parte. Tale ruolo è qui assunto dal titolo che contiene frammenti di differenti costituzioni, anche di periodi differenti. Tutto ciò dimostra la possibilità di trovare nelle costituzioni presenti nel Codice: a) il senso originario; il senso del codificatore, dato al testo nel proprio interesse; c) il senso del lettore. L'autore considera criticamente l'opinione circa la divisione di due sistemi giuridici, orientale ed occidentale, nel IV secolo. La divisione politica dell'Impero nell'età di Valentiniano I, anche se ebbe profonde radici storiche, non significò un'immediata ripartizione dei sistemi politici, e quindi giuridici, delle parti. Le tracce di questa divisione si ritrovano solamente verso la metà del V sec., dopo una prassi separata dei principi giuridici ed amministrativi differenti, durante alcune generazioni, per l'oriente e l'occidente. In tale periodo si formarono tradizioni giuridiche separate, sulla base del diritto romano comune. Mentre, la precedente differenza fra tradizioni sociali, amministrative e giuridiche, nonostante il suo rilevante ruolo nella prassi sociale, non veniva considerata sul piano statale del diritto, facendo sempre parte della tradizione giuridica dei municipi.

Quindi, la legislazione imperiale aveva vigore sia nella parte occidentale, sia in quella orientale, salvo l'esistenza di speciali clausole che limitassero la sua diffusione nel territorio. Riguarda altro il fatto che gli imperatori mandassero le proprie costituzioni solo alle prefetture o province del territorio dipendente. Per applicare le *constitutiones generales* di un imperatore nell'altra *pars imperii*, non era necessaria l'approvazione dell'altro imperatore, ma bisognava indirizzarle ai suoi funzionari nelle province. Ciò lo poteva fare soltanto il loro imperatore. Ma, un simile rinvio della costituzione era necessario anche per applicarla in diocesi differenti della stessa parte dell'Impero. Per i giuristi del V sec. non aveva rilevanza l'origine della costituzione, che poteva provenire dall'oriente o dall'occidente. Dal 439 tutte le costituzioni del Codice entrarono in vigore in ogni parte dell'Impero, in qualità di *ius vetus*.